

Юй Инцю успокоила своё сердце и грациозно уклонилась от удара. Пальцы полумастера почти коснулись её волос, когда он внезапно сложил их, готовясь ударить её по затылку.

Она протянула свои белые, как лепестки лотоса, пальцы, и её ладонь раскрылась, как цветок лотоса, с изящным движением, полным таинственной гармонии. В её руке сформировался цветок лотоса, многослойный и живой.

Юй Инцю улыбнулась воину:

— Сейчас, если ты прекратишь и перейдёшь на сторону света, это будет лучше, чем лежать мёртвым.

С этими словами она разжала пальцы, и цветок превратился в тридцать шесть лепестков, которые устремились к воину. Каждый лепесток был словно меч, движущийся медленно, но блокирующий все пути отступления. Защитная ци, которой он так гордился, оказалась бесполезной перед хрупкими на вид лепестками-мечами. Тело воина мгновенно покрылось тридцатью шестью кровавыми ранами, и ци мечей бушевала в его внутренностях, заставляя его кричать от боли.

Старший мастер Секты Закона, который изо всех сил сражался против двух мастеров большой колесницы, не мог скрыть улыбку удовлетворения.

Факт, что маги обычно уступают мечникам в силе атаки, в сочетании с тем, что старшее поколение их секты не породило настоящих гениев, всегда ставило их ниже Врат Меча, где был мастер небесного человека.

Но у них была Юй Инцю, молодая гениальная магиня, которая могла достичь состояния постижения десяти тысяч законов.

Старшие маги секты в частных беседах считали, что Юй Инцю должна быть первой среди четырёх талантов.

Она вполне могла стать следующим Святым.

Поэтому старший мастер был готов пожертвовать собой, взорвав свой даньтянь, чтобы дать Юй Инцю шанс на спасение.

С другой стороны, меч весеннего ветра Шэнь Си больше не был таким мягким, как во время его схватки с Се Жунцзяо, когда он напоминал «ветер, который не холодит лицо».

Учителя академии, которые могли спорить до хрипоты по научным вопросам, неожиданно сошлись во мнении, что Шэнь Си был самым подходящим человеком для изучения меча весеннего ветра.

Благородный человек мягок снаружи, но твёрд внутри, весенний ветер ласков с друзьями, но суров с врагами.

Его меч весеннего ветра раздувал на пустоши ледяные ветры, острые как лезвия.

Ученики академии, сражаясь с демоническими культиваторами, не упускали возможности пошутить:

— Оказывается, учитель так хорошо сражается?

— Боюсь, боюсь, в следующий раз я точно буду внимательно слушать его лекции.

Кто-то неуместно вставил:

— Если мы вообще вернёмся.

Учителя академии, сражающиеся против трёх мастеров большой колесницы, почувствовали, как у них на лбу вздулись вены, и мысленно записали имена этих малышей, чтобы потом хорошенько их отшлёпать.

Если они вообще вернуться.

Вдали слышался топот копыт.

Люди часто описывали технику меча Цзян Цзинсина с помощью фантазии.

Говорили, что когда он выпускал меч, солнце меркло, а воды Северного моря сотрясались.

На самом деле наблюдать за тем, как Цзян Цзинсин сражается, было довольно скучно.

Он только брал в руку меч Бацзи, как враг уже был мёртв.

Иногда даже не было видно самого меча, только он указывал пальцем, и враг падал замертво.

Неудивительно, что люди подозревали, что он сговаривался с противниками для инсценировки боя.

Когда Цзян Цзинсин был в плохом настроении, враги падали ещё быстрее, и всё выглядело ещё более подозрительно.

Старший мастер Секты Закона глубоко вздохнул, успокаивая своё сердце, которое дрожало под воздействием меча Цзян Цзинсина, и уже собирался подойти, чтобы поблагодарить его за спасение, как вдруг молодой человек, невероятно красивый, слегка прикрыл глаза и провёл пальцем по лезвию меча.

В мгновение ока в небо взметнулись бесчисленные потоки ци меча!

Вся трава на пустоши в радиусе десятков ли была вырвана с корнем, земля была срезана на три цуня, оставляя бесчисленные следы.

Ци меча сначала устремилась в небо, затем, словно разъярённая река, пронеслась по небу, пересекая его.

Чем ближе что-то к своей природной сути, тем страшнее это становится.

Устрашающая мощь ци меча постепенно утихла, оставляя после себя мост длиной в сотню ли, сотканный из ци, как будто сама природа создала его.

Мост соединял его и Се Жунцзяо.

Когда Святой одалживает меч, он одалживает лучший меч в мире.

Се Жунцзяо держал меч и никогда раньше не чувствовал себя таким сильным.

Миллиарды потоков ци благородства в мире подчинялись ему, как его собственные руки, все они были в его мече.

Истинная кровь феникса в его теле вырвалась из даньтяня, бурля и крича в его каналах, её светящийся золотисто-красный цвет был ярким, как солнце.

Перед ним были трое настоящих мастеров большой колесницы, и даже их атаки, которые они не могли сдержать, были достаточно сильны, чтобы сбить его с толку, нарушить его дыхание и циркуляцию ци.

У него был только один шанс ударить.

Се Жунцзяо закрыл глаза и поднял меч.

Это был стиль меча лазурной выси.

Последний стиль меча благородства, самый сложный стиль во всей технике меча.

Даже он, до сегодняшнего вечера, не мог сказать, что точно сможет его выполнить.

— Меч благородства держится на ци благородства.

— Ци благородства находится на острие твоего меча, в твоём сердце, в мире.

Это были слова, которые Цзян Цзинсин сказал ему, когда он только начинал изучать меч благородства.

— Где бы ни была ци благородства, я с тобой.

Это были слова, которые Цзян Цзинсин сказал ему сегодня вечером, когда они разделились.

Меч Чжэньцзяншань звенел без остановки, и если прислушаться, он звучал как крик феникса, парящего в небе, путешествующего за облаками.

Несколько самых влиятельных людей в мире одновременно встали, их взгляды устремились на юг, полные удивления и сомнения.

— Что произошло в Фэнлине?

Фэнлин, о котором они говорили, был не городом Фэнлин, а настоящим Фэнлином, местом, где был погребён феникс.

Когда Цзян Цзинсин одалживал меч, Се Жунцзяо был уверен, что сможет использовать этот стиль.

Только стиль лазурной выси был достоин меча, который Цзян Цзинсин ему одолжил.

Он взмахнул мечом, и линия света поднялась с земли.

Этот свет не был таким величественным, как мост из ци меча, только одна линия.

Но она была неудержимой, и техники трёх мастеров большой колесницы, которые они использовали, оказались бесполезными перед ней, легко разрушенными.

Свет меча приближался, и вдруг он взорвался, миллионы потоков ци благородства вспыхнули, освещая округу на несколько ли, возвращая миру ясность.

Под лазурной высью не осталось места для мутной ци.

В главном шатре Моло, на губах выступила капля крови, и он с укором сказал:

— Цзян Цзинсин, ты ставишь меня в трудное положение. Ты слишком шумишь, главы племён не настолько глупы.

Вокруг него изменилась атмосфера, словно тысячи мечей окружили его, их лезвия были холодны.

Главный шатёр главы племени находился как раз в тысяче ли от Секты Закона.

Моло, казалось, ничего не замечал, даже улыбнулся:

— Я скрыл для тебя небесные знаки, потерял столько сил, ты уж постарайся не оставить главу племени в живых, чтобы не опозорить своё звание Святого.

Невидимые потоки ци меча, словно волны, не уменьшались, а, наоборот, увеличивались, и несколько нитей даже коснулись шеи Моло.

Моло улыбнулся и позволил этому случиться.

Ци меча, которая коснулась его шеи, была достаточно сильна, чтобы пробить защиту мастера большой колесницы и проникнуть в его сердце, но не оставила на нём ни единой царапины.

Тело Святого было неразруσιμο.

Чтобы оставить на нём след, этих насмешливых угрожающих потоков ци меча было недостаточно.

— После главы племени следующий я? — Моло понял намёк и, смеясь, не рассердился. — Отлично, я тоже хочу узнать, кто настоящий первый в мире.

Мастер большой колесницы был мёртв, меч был одолжен, мост из ци меча исчез, оставив после себя каньон глубиной в десятки чжанов и длиной в сотню ли, как свидетельство его невероятной мощи.

Се Жунцзяо тихо сказал мосту из ци меча:

— Это мой лучший удар.

И до, и после.

В будущем он, возможно, достигнет святого этапа, сможет разрушить гору одним ударом меча, опрокинуть море, убить человека за тысячу ли, но как бы ни был силён удар, как бы ни была мощна воля меча, он не сможет заменить этот удар.

— Ци благородства находится на острие твоего меча, в твоём сердце, в мире.

Этот удар научил его этому.

С другой стороны моста Цзян Цзинсин слегка щёлкнул по лезвию меча, и потоки ци благородства, которые плотно окружили Моло в главном шатре, растворились в холодном ветре.

Моло не совсем понимал, что ещё за причуда пришла в голову Цзян Цзинсину.

Разве он не должен был разозлиться из-за того, что его достоинство было задето, и устроить настоящую схватку с ним?

Старший мастер Секты Закона ничего не знал об этой схватке на высшем уровне, в критический момент, он лишь почувствовал, как напряжённая атмосфера внезапно разрядилась.

Он услышал, как молодой человек пробормотал, с бесконечной гордостью победителя и презрением:

— У меня есть Ацы, зачем мне с тобой разбираться?

Се Жунхуа вытащила меч и серьёзно спросила троих, которые стояли перед ней во главе группы:

— Ваши имена?

Все они были одеты в одежду людей пустоши, и их ци вырывалось наружу, их давление было огромным, несомненно, они были мастерами большой колесницы.

Трое не ответили.

Се Жунхуа покачала головой, с сожалением сказав:

— Если я не знаю ваших имён, я не смогу поставить вам могильные камни, хотя это было бы полезно для вас.

В обычное время трое уже бы показали этой женщине, что такое настоящая сила. Но сегодня ночью глава племени отдал строгий приказ, и им пришлось сдержать гнев и попытаться пройти мимо женщины и её группы.

<http://bllate.org/book/16198/1453640>